

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

А.А. Малыгина. Феномен ядерного оружия в современном мире: научно-технический прогресс, война и политика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 137 с.

Первое практическое применение новейшие технологии обычно находят именно в военной сфере. Нет ничего удивительного в том, что человек сперва создал атомную бомбу, а лишь затем построил атомную электростанцию. Но вот создание режима нераспространения – это уникальный пример, когда человечество впервые серьезно задумалось о создании «этических и юридических барьеров на пути применения технологий в военной сфере».

Автор условно выделяет четыре подхода к феномену ядерного оружия: технократический, социологический, этический и глобалистский. Подобная классификация позволяет читателю более полно представить себе все многообразие данного феномена в современном мире.

Наиболее привычным для российского читателя будет, пожалуй, «технократический подход», где основной отправной точкой для дискуссии являются военно-технические аспекты возможного применения атомной бомбы. При знакомстве с «социальным подходом» особенно интересным представляется тезис о том, что «человечество стало смертным», то есть создание ядерного оружия впервые поставило перед человечеством вопрос выживания. Исследование «этического подхода», который сформировался в рамках глобального движения за мир и разоружение, будет полезно для тех, кто когда-либо задумывался о «морально-этической двойственности ядерной бомбы». Для раскрытия смысла «глобалистского подхода» стоит вспомнить мнение бывшего директора МАГАТЭ Мохаммеда эль-Барадея о том, что «вызовы режиму нераспространения берут свое начало в таких на первый взгляд далеких от проблем ядерного оружия явлениях современности, как бедность и нарушения прав человека».

Для специалистов в области нераспространения будет важен выдвинутый автором тезис о двух группах факторов, связанных с созданием ядерного оружия. К первой группе относятся факторы, «побуждающие или вынуждающие государство задуматься над необходимостью создания ядерного оружия»: соображения безопасности, стремление обеспечить независимость в реализации национальных интересов и соображения престижа. Вторую группу составляют факторы, которые «способствуют принятию окончательного решения о том, создавать или нет свои ядерные силы».

Взаимодействия первой и второй групп факторов определяет наличие таких стран, которые добровольно отказались от военной составляющей ядерной программы, хотя для ее успешной реализации существовали необходимые экономические, научно-технические и прочие предпосылки.

Будет ли мир безопаснее без ядерного оружия?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра www.pircenter.org. Опрос проводился с 1 февраля по 1 апреля 2010 г.

1. Да, ядерное оружие – угроза международной безопасности

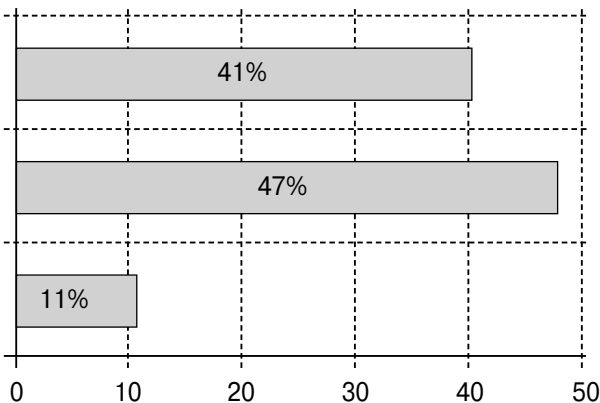
41%

2. Нет, ядерное оружие – основа ядерного сдерживания и гарантия безопасности

47%

3. Затрудняюсь ответить

11%

Значительное внимание автор уделит трансформациям в восприятии ядерного оружия. Политический путь ядерного оружия был весьма тернист. Так, на момент создания первой ядерной бомбы мало кто предполагал, сколь серьезным будет политическое влияние этого оружия. Лишь с середины 1950-х гг. ядерное оружие стало восприниматься как «стратегический компонент вооруженных сил». Подобный исторический экскурс будет полезен не только тем, кто лишь недавно заинтересовался данной тематикой, но и знатокам, готовым пересмотреть свои представления. В связи с этим интересна также глава, посвященная доктринальным подходам к ядерному оружию, в частности «ядерное оружие как оружие войны», «логика сдерживания как парадигмальная основа военно-политического мышления», «универсализм задач, возлагаемых на ядерное оружие», «отказ от ядерного оружия».

Рассматривая проблематику нераспространения ядерного оружия и перспективы реализации Договора о нераспространении ядерного оружия, автор анализирует ряд негативных факторов, а именно невозможность сохранения «монополии знания», удешевление технологий создания бомбы, коммерческие интересы атомной промышленности и связанное с ними порой небрежное отношение к соблюдению гарантий МАГАТЭ.

Отдельно стоит отметить затронутую в работе дискуссию о недостатке усилий по ядерному разоружению со стороны членов ядерного клуба и появлении новых ядерных стран. В монографии также отражена куда реже обсуждаемая проблема «вертикального распространения», которая связана с увеличением мобильности и точности существующих ядерных арсеналов.

Появление данной монографии важно, прежде всего, в качестве попытки анализа не только самого ядерного оружия, но и многогранной дискуссии вокруг его роли и места в современном мире.

Иван Богачев

Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетей, 2008. 208 с.

Мода на демократию для многих посткоммунистических государств стала своеобразной вакциной от так называемых *неоимперских амбиций* бывшей метрополии. Декларация

тивная преданность демократии позволяет новым суверенам идентифицировать себя с *избранным мировым сообществом*, к которому ранее относились лишь западные страны. Однако клятвы в верности демократическим принципам не всегда позволяют получить ауденцию *бывалых демократов*. Тогда в ход идут проверенные технологии по переустройству государственной системы, которые позволили свергнуть не одно конституционное правительство.

Волна *цветных революций*, прокатившаяся по постсоветскому пространству, явила миру феномен ненасильственного внедрения демократии. О том, какими методами и средствами была достигнута эта *свобода*, какую роль в этих процессах сыграли различные СМИ, неправительственные организации, молодежные движения, и насколько нужной она оказалась, повествует сборник «*Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека*» – коллективный труд исследователей из разных стран Европы и Азии.

С первого взгляда может показаться, что тематика издания несколько устарела – *цветные революции* давно отгремели, технологии их организации всем известны, но, прочитав книгу до конца, понимаешь, что изучено далеко не все. Авторы с особой скрупулезностью анализируют сценарии ненасильственных переворотов в Киеве, Бишкеке, Ереване, Баку, которые и сегодня разрабатываются западными *мозговыми центрами*, и пытаются выявить ту самую грань между мирной демонстрацией в поддержку демократии и государственным переворотом.

Пристальное внимание в работе уделено деятельности так называемых *think tanks* как особого феномена. Во время Второй мировой войны этот термин означал место, куда удалялись эксперты для обсуждения глобальных проблем. Широкая международная активность *мозговых центров*, дополняя работу американской дипломатии и идеологической разведки, стала «мощной политической скрепой западного истеблишмента». Концептуальные основы по внедрению западной демократии ненасильственными методами разрабатываются именно здесь. «Для этих университетов без студентов <...> студентами являются и правительство, и политический класс в целом», – отмечают авторы издания.

Среди *мозговых центров* США ведущее место занимает Совет по международным отношениям, который, по мнению многих американских экспертов, стоит над администрацией Белого дома. Внешнеполитические стратегии по внедрению демократии, технологии организации *цветных революций*, ставшие практическим пособием для оппозиции переходных государств, проходят *обкатку* именно здесь. Экскурс в историю позволяет авторам провести аналогии между событиями в Ливане в 1982 г., в Иране в 1953 г., в Гватемале в 1954 г. и ненасильственными переворотами в государствах переходного периода, которые прокатились по миру несколько лет назад. Выводы исследователей сводятся к тому, что технологии, разрабатываемые американскими *мозговыми центрами*, неподвластны времени, месту и политической системе государств, а следовательно, та бдительность, которую стали проявлять многие государства к деятельности различных неправительственных организаций (НПО), вполне оправданна.

В основе *конфликтов низкой интенсивности* лежит идеология *единого бесконфликтного мира*, которая является логическим продолжением вильсоновской пацифистской идеи *мира как концепции*. Данной идее, по мнению западных *мозговых центров*, должны быть подчинены интересы всех государств. То есть современная концепция *глобализма* – это аккуратно заgrimированная идея *Pax Americana*, которая позволяет экспортировать демократию в любую точку земного шара, считают авторы издания.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

В статье сборника «Техника государственного переворота» авторы на ряде конкретных примеров показывают, каким методами американские *мозговые центры* внедряют технологии *цветных революций*. Подрывной характер подобной деятельности описывается

в статье «Брокеры мусорных революций». В статье «Оранжевые технологии в Армении: внутренние факторы и внешняя обусловленность (2004–2007 гг.)» приводятся ранее неизвестные факты о методах действий поддерживаемой извне оппозиции в Армении.

Финансирование НПО извне подробно описывается в статьях, посвященных украинским событиям, – «Украинские НПО: от *оранжевой революции* к экспорту демократии в постсоветские страны» и «Украина сегодня: возможно ли второе издание *оранжевой революции*?».

Основной вывод авторов сводится к тому, что противостоять технологиям *бархатных революций* сложно и одним из немногих средств является постоянное разъяснение населению, с какими явлениями они имеют дело: «Когда знаешь природу угрозы, не строишь иллюзий, не впадаешь в крайности и думаешь о ближнем в категориях добра. Если обществу вернуть его истинные ценности, никакими цветными переворотами народ не одолеть».

Галия Ибрагимова

Nicholas Thompson. The Hawk and the Dove: Paul Nitze, George Kennan, and the History of the Cold War. Henry Holt and Company, 2009. 403 p.

Противостояние, лежавшее в основе холодной войны, оставило глубокий след в мировой истории. И сегодня вопросы зарождения и развития антагонизма двух крупнейших мировых держав будоражат умы исследователей. Каждый предлагает свой подход к рассмотрению данного вопроса. Николас Томпсон – главный редактор *Wired Magazine* – в своей книге «The Hawk and The Dove» предлагает взглянуть на эпоху холодной войны сквозь призму человеческих судеб.

В книге Николаса Томпсона два героя: выдающиеся американские политические деятели второй половины XX в. Джордж Кеннан и Пол Нитце. Первый – Джордж Кеннан – личность, широко известная мировой общественности: один из ведущих дипломатов XX в., определивший западную политику холодной войны, американский посол в Советском Союзе и в Югославии, известный историк, лауреат Пулитцеровской премии. Популярность второго героя – Пола Нитце – более скромна. Между тем, помимо нескольких министерских постов, Нитце занимал и пост главного советника по вопросам внешней политики при всех американских президентах от Франклина Рузвельта до Джорджа Буша-старшего. Оба героя родились в начале XX в. и умерли в начале XXI в., что дает возможность в какой-то степени назвать их *людьми века*.

Джордж Кеннан является автором знаменитой *длинной телеграммы*, в которой он призывает правительство Соединенных Штатов твердо выступить против советской экспансии в Восточной Европе. Кроме того, именно ему приписывают авторство статьи, вышедшей в июле 1947 г. в журнале *Foreign Affairs*, где излагалась *стратегия сдерживания*. Стратегия, сыгравшая основополагающую роль в выработке американской внешнеполитической линии в последующие 40 лет. Автор *длинной телеграммы* стал главой Отдела политического планирования Государственного департамента США. Как пишет автор, «Кеннан постоянно подчеркивал, что советский режим, каким бы чудовищным он ни был, не представляет реальной военной угрозы Западу. И поэтому, считал он, сопротивляясь советской экспансии, Соединенные Штаты должны, в основном, пользоваться методами экономического и политического давления, а не военного».

Но в американских политических кругах существовал и совершенно иной взгляд на эту проблему, его представители видели скорейший путь победы над СССР именно в наращивании военного превосходства. Этим взглядом придерживался и Пол Нитце, сменивший Джорджа Кеннана на посту главы Отдела политического планирования. Эти люди рассматривали намерения советского правительства (сталинского и постсталинского) в более мрачном свете, нежели Кеннан, и действовали гораздо радикальнее – особенно с началом Корейской войны в 1950 г. Нитце лично требовал наращивания военного

потенциала Соединенных Штатов. Экономическое давление сменилось военным. «Нитце стал чем-то вроде тренера спортсменов, чья гонка никогда не кончается, потому что, даже поставив рекорд, они немедленно должны сами его и побить», – пишет Николас Томпсон.

Книга, по сути, представляет собой двойную биографию выдающихся политиков, искусно вписанную в контекст холодной войны. Броское и лаконичное название после прочтения, однако, кажется недостаточно точным. Кеннан всегда был категорически против наращивания американского ядерного потенциала. Но, если вспомнить, что именно он был инициатором политики сдерживания СССР, голубем его назвать весьма трудно. Нитце, с другой стороны, тоже далеко не всегда выступал с позиции ястреба. Так, он в свое время был против военного вмешательства во Вьетнаме. А в 1982 г. он шокировал коллег, согласившись на предложение советской стороны уничтожить целую категорию атомного оружия. Такое предложение не просто расходилось с политикой ястребов – оно было неприемлемым для обеих сторон в тех исторических реалиях. Поэтому его отвергли и Москва, и Вашингтон.

Николас Томпсон пишет весьма увлекательно и живо. Однако при всем уважении к вкладу этих выдающихся людей в развитие истории взаимодействия двух держав у читателя может возникнуть вопрос о закономерности рассмотрения их позиций и роли в холодной войне без учета позиции советской стороны и постоянно меняющихся политических условий. И именно здесь нам открывается суть произведения: самое удивительное и вдохновляющее в истории противоборства и сотрудничества Джорджа Кеннана и Пола Нитце лежит за гранью политики и состоит в том, что, будучи, по сути, политическими соперниками, двое выдающихся людей смогли через всю жизнь пронести свою дружбу. Кеннан и Нитце работали в одну эпоху, их жизненные пути словно шли в одном ритме, они и умерли с разницей в один год.

Светлана Ключанская

Международная Жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. Ежемесячный журнал. М.: МИД РФ. № 1, 2010, 60 с.; № 2, 2010, 60 с.

Жизнь возвращается. Такова была моя первая реакция, когда я сначала пролистал, а потом и внимательно прочитал первые два номера журнала *Международная Жизнь* за текущий год.

Признаюсь, мысль пролистать *Международную Жизнь* пришла не сама собой. К ней подтолкнул меня один из членов Совета журнала, человек вполне официальный и в этом смысле вполне, казалось бы, ангажированный. Однако я знал его как острого критика: не станет говорить *сладко*, когда кислятина.

Поэтому и взялся за чтение того журнала, который когда-то читал регулярно и в обязательном порядке подписывал на него ПИР-Центр, но вот уже не открывал, как минимум, пару лет. Не открывал не оттого, что это журнал-официоз. Статус мидовского издания меня как раз никогда не смущал. Наоборот, это то, что привлекало: нечастый случай, когда можно ознакомиться с официальной позицией по тому или иному ключевому вопросу внешней политики в изложении от первого лица: главы подразделения МИД, ответственного за тот или иной участок; удобно для понимания, удобно для цитирования, удобно для подготовки к беседам с зарубежными коллегами... Проблема *Международной Жизни* последних лет была в другом – это был удивительно скучный, удивительно безвкусный, удивительно непрофессионально сделанный журнал. Поражало, как надо было умудриться, чтобы засушить то живое, что нет-нет да и попадало на страницы, и вдруг перемежать эти неудобоваримые дипломатические сухофрукты псевдолирическими *изысками*. Если я кому и мог рекомендовать такую *Международную Жизнь* для

Е
М
Ы
К
Н
Н
Ж
И
Н
С
К
Н

прочтения, так это студентам факультета международной журналистики: образец журналистской пошлости. Учитесь, как *не* надо делать журнал. Как *не* надо редактировать.

Последние номера – определенное свидетельство тому, что вышеприведенный абзац уходит в историю. Со страниц журнала словно смахнули пыль. И внешне: его дизайн стал куда более привлекательным, хотя при этом сохраняет уместный для официально-го издания консерватизм. И, главное, содержательно.

От обилия официоза никуда не уйти. Ну и не надо! Надо просто научиться его грамотно подавать и разбавлять в правильной пропорции материалами полемичными. В первых двух номерах 2010 г. редакторам это уже начинает удаваться. Так, читатели наверняка с интересом изучат статью первого заместителя министра иностранных дел А.И. Денисова о перспективах СНГ. Неожиданно и познавательно интервью с председателем Счетной палаты России и по совместительству председателем Императорского Православного Палестинского общества С.В. Степашиным «О Святой земле и российско-палестинских отношениях».

Журнал начинает не просто четче, внятнее воспроизводить официальные дипломатические тексты, но и реагирует на разворачивающуюся внешнеполитическую дискуссию вокруг таких вопросов, как энергетическая безопасность (см. статью Ю.К. Шафраника об Ираке как ключевом звене в энергетическом *солнечном сплетении* мира) или реалии и возможности БРИК (дискуссию по этому вопросу см. в №1).

Некоторыми материалами обновленная *Международная Жизнь* задает полемический тон для дальнейших размышлений и государственных решений – как, например, в статье Е.Н. Трофимова «Туризм как бизнес и народная дипломатия» в №2.

И уж наверняка читатель, ищущий в журнале не просто поля для отражения официальной точки зрения, но площадки для умного разговора, поднимет брови (сначала удивленно, потом удовлетворенно) уже с первых абзацев статьи «Мировое правительство через 100 лет?» нового главного редактора *Международной Жизни*, советника министра иностранных дел России А.Г. Оганесяна. В этом элегантно эссе на считанных страницах сосредоточены и С.Н. Булгаков с В.В. Розановым, и Жак Аттали («почти трагический утопист», по определению Оганесяна) с Джозефом Стиглицем... Что нужно сделать, чтобы *оркестр наций* через столетие научился, наконец, исполнять *симфонию*? Автор эссе задает этим вопросом – и самим своим текстом – высокую планку для дальнейшей дискуссии о глобализации, которая, хочется верить, развернется, таким образом, на страницах именно *Международной Жизни*.

Конечно, журнал еще в самом начале пути по своему обновлению, по стряхиванию пыли, – по *самовстряхиванию*. Качество редактирования (даже и вообще его наличие) в отдельных текстах по-прежнему вызывает вопросы, слишком явно напоминая о *Межжизни* из недавнего прошлого. В целом добротные, интересные обзоры в завершающей части номеров (будь то по ядерной политике КНДР или по образу России в германских СМИ) слишком напоминают торопливые выжимки из кандидатских диссертаций, чтобы поддержать все выше поднимающуюся качественную планку всего журнала. Да и корректоры не поспевают за новыми веяниями, в результате чего попытки – совершенно уместные, даже необходимые – указать, например, адрес электронной почты автора статьи в ряде случаев выливаются в нечто комическое.

Такие шероховатости, однако, совершенно простительны, более того, они неизбежны на том этапе, когда маститый журнал – на 40 лет старше нашего *Индекса Безопасности* – пускается в совершенно новое плавание и делает это уже на новых скоростях, проводя капремонт по ходу движения.

Конечно, редакции предстоит сделать еще очень многое, чтобы удачи свежих номеров стали устойчивой тенденцией и чтобы неопрятные отголоски прошлого все меньше сбивали читателя. Заявленная высокая планка потребует еще много потрудиться и для шли-

фовки ведомственных текстов, и для конкурентного отбора яркого ядра внемидовских авторов.

Главное – журнал начинает смыкаться с сегодняшней реальностью: и содержанием, и расширяющимся кругом авторов, и такими принципиальными *мелочами*, как перечень ключевых слов в конце статьи, как грамотно выстроенная система сносок, как обязательность внешних рецензий и как, наконец, оживший сайт с уже вполне человеческим именем *interaffairs.ru* (промолчу о том, как именовался прежний сайт, а то не поверите и подумаете, что издеваюсь; хотя он все равно был скорее не действующим сайтом, а призраком). Поддерживая свое англоязычное издание *International Affairs*, редакция успевает выпускать дайджесты на французском, немецком, китайском языках.

Точно: *Жизнь* возвращается. Такая *Жизнь* нужна МИДу. Такая *Жизнь* нужна зарубежному читателю, следящему за новыми интонациями российской дипломатии. Такая *Жизнь* нужна, конечно, и российскому экспертному сообществу, нужна ученым, нужна студентам-старшекурсникам, – и уже заслуживает того, чтобы возвращаться на столы правительственных кабинетов и на библиотечные полки университетов; не ложной *солидности* ради и не как *пылесборник*, но для чтения.

Владимир Орлов

Джеймс Киндж. Китай, который потряс мир. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 384 с.

Самоназвание КНР – Чжунхуа жэньминь гунхэго – означает Срединная Процветающая Народная Республика. Согласно представлениям китайцев, имена должны соответствовать сути вещей, а значит, Китай должен вернуть себе лидирующие позиции в экономике и политике. Сегодня мало кто сомневается, что это произойдет.

Автор монографии «Китай, который потряс мир» Джеймс Киндж раскрывает свое видение цены возвышения Китая и при этом задается вопросом, способен ли Запад приспособиться к глобальному воздействию этой страны. Сам автор 20 лет проработал в Китае в качестве журналиста и является свидетелем перемен в восприятии Китая мировой общественностью. Так, в 1990-е гг. Джеймс Киндж в очередной раз приехал в Поднебесную для освещения того, как внешний мир влияет на КНР, но задание само собой сменилось на противоположное – как Китай воздействует на окружающий мир.

Степень этого воздействия отражается в книге во всем своем многообразии. Всемирное перераспределение производства товаров и услуг, увеличение цен на энергоресурсы, глобальные экологические последствия китайского экономического роста – эти аспекты глобального влияния КНР находятся на поверхности, и о них пишут многие исследователи. Но какое отношение Китай имеет, например, к исчезновению металлических крышек с канализационных люков дорог в различных городах мира, можно прочитать только в этой книге.

Успех автора состоит в том, что его не удовлетворяют объяснения происходящих процессов, оторванные от повседневной реальности. Так, автор строит свои умозаключения, помимо прочего, на основе собственных наблюдений и множества интервью с самыми разными людьми как в Китае, так и в странах Запада. Он уделяет пристальное внимание судьбам конкретных людей и организаций. При этом ему важно не только то, как развитие Китая воздействует на жителей стран Запада, но и то, как Китай влияет на судьбы собственных граждан.

Для отражения индустриального облика современного Китая Джеймс Киндж рассматривает город Чунцин – бывшую столицу Поднебесной. При этом автор проводит параллель между современным Чунцином и американским Чикаго в XIX в., развитие которого в те времена носило «взрывной характер» (с. 51). Накладывая описание тогдашнего облика Чикаго, совокупность географических условий и уровень загрязнения на сего-

дняшний Чунцин, автор делает вывод, что города переживают во многом похожие этапы развития. Публицист описывает девочку, которая подошла к нему на улице Чунцина и на ломаном английском просила увезти ее из этого места, сказав, что «уровень загрязнения в городе представляет смертельную опасность». Что стало с девочкой – неизвестно, но автор однозначно утверждает, что масштабы «взрывных» индустриальных преобразований в Чикаго в XIX в. бледнеют по сравнению с тем, что происходит сейчас в Чунцине. Более того, автор переходит на более общую ступень рассуждений, говоря, что «китайский экономический подъем ни с чем не сравним» (с. 54).

Глобальное экономическое воздействие Китая на жизнь простых граждан во всем мире выражается, по мнению Джеймса Кинджа, во многих тенденциях окружающей действительности – от пропажи крышек от люков (чрезмерный спрос на металлолом в Китае спровоцировал активность его скупщиков в других странах) до потери рабочих мест и переноса производства в КНР. Сам процесс переноса производства автор раскрывает на примере судьбы сталеплавильного завода из германского города Хорд. Сперва, не выдержав конкуренции на внешнем рынке, завод был закрыт, демонтирован, а затем куплен китайскими предпринимателями и перевезен в Китай. Автор скорее удивляется, если где-либо не замечает глобального китайского присутствия: «Хотя внешне и не заметно, дыхание Китая ощущается почти повсюду» (с. 164).

С 2003 г. Китай является вторым по объемам импортером нефти в мире. Это дает автору основания утверждать, что рост цен на нефть до величины около 60 долл. за баррель в середине 2005 г. был в значительной степени обусловлен влиянием китайского спроса (с. 215), что вполне логично. Но при этом автор не уточняет, что первым импортером нефти в мире являются Соединенные Штаты. Более того, США приводятся в пример Китаю как страна, обеспечившая свое развитие: «Соединенные Штаты в XX в. могли обеспечить свое развитие на основе нефти, получаемой из месторождений на Аляске, из стран Персидского залива, штата Оклахома, офшорных месторождений Луизианы, штатов Калифорния и Иллинойс». Ключевым пунктом в данном перечне можно назвать «страны Персидского залива», которые явно выделяются на фоне собственных территорий США. Сегодня из этих стран Китай поставяет до 80% своего импорта нефти, и если бы не комплекс проблем, связанный с безопасностью региона и транспортировкой нефти, то и Китай смог бы обеспечить себе развитие, ограничив свое глобальное присутствие на мировом рынке энергоносителей данным регионом.

Книга Джеймса Кинджа – своего рода продолжение «мифа о китайской угрозе», появившегося в западной научной и публицистической литературе в 1990-е гг. Во многом – по причине некой *однобокости*, которая проявляется как в том, что, рассматривая *глобальное влияние* Китая, автор обращает внимание только на западный мир (оставляя за бортом страны Юга), так и в том, что при описании проблем внутри КНР (энергетика, экология, население) он не обращает внимания на меры, предпринимаемые самим Китаем для решения данных проблем. Но при этом в книге имеется весьма прагматичный взгляд на позиции КНР на международной арене: «Китай <...> глубоко вошел в систему международного распределения труда и в значительной степени связан с международными организациями, являясь участником многих международных договоров» (с. 381). Так значит... угрозы уже нет?

Евгений Петелин

Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.

Доклад Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого завтра» вызвал оживленные дискуссии в экспертной и политической среде. Комментарии были самые разные – от откровенно агрессивных до чрезмерно благожелательных. Причем критиковали ИНСОП (который с некоторым лукавством позиционирует себя как близкий к президенту *think tank*) как консерваторы, так и либералы.

Воспринимать доклад как истину в последней инстанции было бы неправильно. Размышления о путях модернизации, инициированные Д.А. Медведевым, вернули в Россию, казалось бы, давно забытую традицию публичной общественной дискуссии. Поэтому ценность работы ИНСОП как раз в том, что она представляет одну из точек зрения – не самую радикальную, но довольно смелую. И этой своей провокационностью крупными, нереалистичными мазками нарисованной картины она цепляет за живое многих интеллектуалов. При этом сами авторы, опасаясь выйти за рамки *разрешенного* дискурса, постоянно делают оговорки – мол, желаемое завтра может наступить и через 20, и через 50 лет, никто не ставит под сомнение стабильность режима и т.п.

Еще одно важное обстоятельство – к докладу бесполезно применять аргументы «скажите, как сделать». *Образ желаемого завтра* – это именно концептуальное эссе, принципиально не дающее технологичных ответов на наиболее актуальные вопросы современности. ИНСОП пишет о том, что, а не о том, как, создавая, таким образом, себе дополнительную *подушку безопасности* от критики.

Но здесь же заключена и главная слабость: в обществе уже есть консенсус по поводу желаемого будущего. Все хотят жить в процветающей и по-своему великой стране, с рациональной некоррупцированной бюрократией, с высоким качеством жизни, справедливым перераспределением общественных благ и вызывающей зависть соседей инновационной экономикой (правда, при повышении производительности труда в четыре раза число безработных в России тоже вырастет пропорционально). Стоит ли тогда еще один *огород городить*? Ведь всех интересует вопрос как, а самое главное – *когда* начнутся масштабные и зримые изменения.

К тому же одновременно в комментариях авторов к докладу постоянно проскальзывает идея некой эксклюзивности *модернизации*, идея волшебного *модернизационного меньшинства*, которое и должно вывести страну на путь истинный. Такой подход тоже не впечатляет – очередное, пусть даже высокоинтеллектуальное, *насилие*, проведенное из *башни из слоновой кости*, над собственным народом, который отнюдь не чурается перемен, базы массовой поддержки не создает.

Во внутривнутриполитической части доклада большой оригинальности ИНСОП не проявил. Большинство содержащихся там предложений, так или иначе, озвучиваются уже на протяжении лет 15. Другое дело, что у власти никак не доходят руки до их реализации. Многие идеи преследуют вполне понятную цель реставрации некоторых элементов политической системы, характерной для допутинского периода – этот отрезок времени, вероятно, наиболее дорог авторам, ностальгирующим по былому влиянию. Вечный спор о том, что же раньше – *курица* модернизации или *яйцо* политической свободы, эксперты ИНСОП решают однозначно в пользу последнего.

В сфере безопасности авторы ИНСОП по инерции предлагают сохранить чуть сокращенный ракетно-ядерный потенциал, существенно превосходящий арсеналы всех других стран, – эта идея находит поддержку у большинства населения России, которое пока еще не прониклось идеями *ядерного нуля*. Не менее важным представляется создание компактной мобильной армии в пределах 500–600 тыс. человек с качественно иным офицерским и сержантским корпусом. Несколько спорной выглядит инициатива по ограничению функций Генерального штаба, что коренным образом меняет все вековые традиции управления российской армией.

Во внешней политике, согласно докладу, Россия установит отношения партнерства с трансформировавшейся НАТО и станет стратегическим союзником Евросоюза. Курс на *бесконфронтационность*, диалог, укрепление международного права уже и так заложен в российских доктринах, однако дальше повторения этих *мантр* дело обычно не идет. То, что в *желаемом завтра* мир стремительно демилитаризируется, а Россия освободится от комплексов *великой державы* и станет промоутером кооперации, больше похоже на утопию. Не до конца понятно, каким образом изменить сознание *ястребов* в России и в Европе, чтобы добиться подлинного союза. Учитывая *технократическое* со-

знание в Брюсселе и *прагматическое* сознание в Москве, сделать это будет довольно затруднительно.

Вполне здравым и рациональным выглядит блок, посвященный отношениям со странами СНГ. России, действительно, пора занять более осмысленную позицию в этой области – развивая привлекательную экономическую и культурную модель, одновременно выступить гарантом территориальной целостности и суверенитета государств бывшего СССР и перестать истерично препятствовать их *многовекторности*. Политика в ближнем зарубежье должна основываться на согласовании интересов, а не на их навязывании. Одновременно должна стать более осмысленной миграционная политика – из нее должны быть удалены лишние административные барьеры и при этом сформированы прозрачные *правила игры* для тех, кто ищет работу в России (знание русского языка, образовательный ценз и т.п.).

В целом, доклад ИНСОР – это увлекательное интеллектуальное упражнение, завораживающая картина будущего, с которой сложно спорить. Следующий вопрос – как и кто будет приближать образ *желаемого завтра* к унылому сегодня. И эту проблему уже не решить только лишь в рамках короткого эссе. Это вызов и российскому экспертному сообществу, и политическому классу.

Дмитрий Поликанов